

На второй год после великого боя с деканскими рыжими собаками и смерти Акелы, Маугли, вероятно, минуло семнадцать лет. Но он казался старше, так как делал много физических упражнений, хорошо ел и, едва почувствовав себя разгорячённым или запылённым, тотчас же купался; благодаря всему этому он стал сильнее и выше, чем обыкновенные юноши его лет. Во время осмотра древесных дорог он мог полчаса висеть на высокой ветке, держась за неё одной рукой; мог на скаку остановить молодого оленя и, схватив его за голову, откинуть прочь; мог даже сбить с ног крупного синеватого кабана из северных болот. Население джунглей, прежде боявшееся его ума, теперь боялось его силы, и когда он спокойно направлялся куда-нибудь по своим делам, шёпот о том, что он приближается, очищал перед ним все лесные дороги. Между тем в его глазах всегда светился кроткий взгляд. Даже во время драк они никогда не горели огнём глаз Багиры. В них только появлялось любопытство и волнение, и это составляло одну из странных для зверей сторон его характера, непонятных даже для Багиры.

Однажды пантера задала Маугли вопрос по этому поводу, и юноша со смехом сказал:

- Когда я упущу добычу, я сержусь. Когда в течение двух дней у меня в желудке пусто, я очень сержусь. Разве мои глаза не говорят этого?

- Твой рот голоден, - ответила Багира, - но твои глаза ничего не говорят. Охотишься ли ты, ешь ли ты, плаваешь ли, им всё равно; они как камни в мокрую или в сухую погоду.

Маугли лениво посмотрел на Багиру из-под своих длинных ресниц, и её голова, по обыкновению, опустилась. Чёрная пантера знала, что он её господин.

Они лежали на склоне горы, против реки, и ниже их висел зеленовато-белый дымок утреннего тумана. Солнце поднималось; этот лёгкий покров превратился в волнующееся море красного золота, и низкие лучи испещрили сухую траву, на которой отдыхали Маугли и Багира. Наступил конец холодной погоды; листья и деревья стояли измятые, поблекшие; когда поднимался ветер, повсюду слышался сухой шелест и потрескивание. Маленький лист с ожесточением забаранил по ветке, как всегда барабанил отдельный лист, подхваченный струёй воздуха. Этот звук разбудил Багиру; с глухим, глубоким звуком, похожим на кашель, пантера понюхала утренний воздух, опрокинулась на спину и стала бить передними лапами, стараясь схватить качающийся листок.

- Год поворачивается, - сказала Багира. - Джунгли всколыхнулись. Приближается время новых песен. Этот лист знает, что происходит. Хорошо!

- Трава ещё совсем мёртвая, - ответил Маугли, выдёргивая маленький пучок сухих былинок. - Даже

весенний глазок (красивый воскообразный красный цветок в форме трубочки, который пробивается в траве и поднимается над нею), даже весенний глазок ещё не раскрылся и... Багира, хорошо ли чёрной пантере валяться на спине и бить лапами воздух, точно какая-нибудь дикая кошка?

- Оух! – произнесла Багира, которая, казалось, думала о посторонних вещах.

- Я говорю: прилично ли чёрной пантере кричать, кашлять, выть и валяться? Помни, ведь мы с тобой господа джунглей.

- Да, правда; я слушаю тебя, человеческий детёныш. – Багира быстро перевернулась и села, вся пыльная, с лохматыми боками. Она сбрасывала с себя зимнюю шерсть. – Конечно, мы с тобой властители джунглей! Кто силён, как не Маугли? Кто так мудр, как он? – Пантера странно растягивала слова, и Маугли повернулся, чтобы посмотреть, не смеётся ли она над ним; ведь в джунглях часто звучат слова, имеющие один смысл, хотя под ними подразумевается нечто совсем другое. – Я сказала, что мы бесспорно господа джунглей, – повторила Багира. – Разве я сделала дурно, сказав это? Я не знала, что человеческий детёныш больше не лежит на земле. Что ж? Он, значит, летает?

Маугли сидел, положив локти на колени, и смотрел через долину, освещённую дневным светом. Где-то внизу, среди деревьев, птица весёлым голосом выводила первые ноты своей весенней песни. Звуки эти казались только тенью тех льющихся быстрых призывов, которым суждено позже политься из её горлышка. Багира услышала.

- Я сказала, что приближается время новых песен, – проворчала пантера, извивая свой хвост.

- Слышу, – ответил Маугли. – Багира, почему ты дрожишь? Лучи солнца жарки.

- Это поёт Ферао, красный дятел, – продолжала Багира. – Он-то не позабыл! Но я тоже вспомню мою песню, – и она принялась мурлыкать и нежно ворчать про себя, но, недовольная, умолкла и начала песню сызнова.

- Дики не предвидится, – заметил Маугли.

- Маленький Брат, разве оба твои уха закупорены? Ведь это же не охотничья песнь. Я готовлюсь петь для весны.

- Ах, я забыл. Как только приходит время новых песен, ты и все остальные уходите и бросаете меня.

- Право же, Маленький Брат, – начала Багира, – мы не всегда...

- Я говорю, что вы убегаете, – сказал Маугли, сердито поднимая указательный палец, – вы убегаете, а я, господин джунглей, должен бродить один. Что было прошлой весной, когда я собирал сахарный тростник среди полей человеческой стаи? Я послал гонца – тебя – к Хати, приказывая ему прийти в такую-то ночь и набрать мне хоботом сладкой травы.

- Да ведь он опоздал только на две ночи, – слегка прижимаясь к земле, ответила Багира, – и он набрал этой сладкой травы, которая тебе нравится, больше чем мог бы съесть любой человеческий детёныш за все ночи во время дождей. Я не была виновата.

- Он не пришёл в ту ночь, когда я звал его. Нет, он трубил в свой хобот, бегал при свете месяца по долинам и ревел. После него оставался такой след, точно пробежали три слона, потому что он не скрывался между деревьями. Он плясал в свете месяца перед домами людей. Я его видел, между тем он не приходил ко мне, а ведь я – господин джунглей.

- Это было время новых песен, – по-прежнему очень смиренно повторила пантера. – Может быть, Маленький Брат, на этот раз ты не призвал его Великими Словами? Прислушайся к Ферао и

развеселись.

Казалось, дурное расположение духа Маугли выкипело. Он лёг, положив голову на закинутые руки и закрыл глаза.

- Я ничего не знаю, да и не хочу знать, - сонливо произнёс он. – Заснём, Багира. У меня в желудке тяжесть. Дай мне положить на тебя мою голову.

Пантера легла и вздохнула, потому что она слышала, как Ферао пробовал свою песню и переделывал её для весны, времени новых песен, как выражаются в джунглях.

В джунглях Индии времена года скользят почти без перерыва. С первого взгляда их только два: дождливое и сухое, но если выглядитесь внимательно, то под потоками ливня и облаками пыли различите настояще обычное правильное кольцо. Самое чудесное время в Индии – весна, потому что ей не приходится покрывать новыми листьями и цветами обнажённое поле; напротив: она должна прогнать и вытеснить ещё висящие, полуживые покровы из полузеленои растительности, уцелевшей во время мягкой зимы, и сделать полуодетую, старую землю опять новой и молодой. И она делает это с таким совершенством, что ни одна весна в мире не сравнится с весной в джунглях.

Приходит день, когда всё в джунглях истощается, даже запахи, проплывающие в тяжёлом воздухе, кажутся устарелыми, изношенными. Этого невозможно объяснить, между тем это чувствуется. Но наступает другой день; на взгляд ничто не изменилось, между тем все ароматы делаются новыми; они восхитительны; усы жителей джунглей вздрогивают до самых корней, и старая шерсть сваливается с боков зверей длинными, лохматыми кусками. В это время иногда выпадает лёгкий дождь, и деревья, кусты, бамбуки, мхи и растения с сочными листьями просыпаются, вырастают с почти слышным для вас звуком, а под ними день и ночь стоит густое журчание. Это шум весны, вибрирующий звук, который производят не пчёлы, не падающая вода, не ветер в листве деревьев, – это мурлыканье согретого счастливого мира.

До последнего года Маугли всегда наслаждался такими переменами. Обычно именно он замечал первый весенний глазок, там, глубоко посреди травы, и первую гряду весенних облаков, с которыми в джунглях не сравнится ничто. Его голос раздавался всюду во влажных, освещённых звёздами, цветущих уголках джунглей; он присоединился к хору крупных лягушек или передразнивал маленьких сов, висящих вниз головой, которые ухают во влажные ночи. Как и все в джунглях, Маугли, именно весной, бросался с дерева на дерево, просто ради удовольствия полетать в тёплом воздухе, и проносился так тридцать, сорок или пятьдесят миль между сумерками и восходом утренней звезды. И возвращался обратно, задыхающийся, смеющийся, весь увитый странными цветами.

Четыре брата не бывали с Маугли во время его диких блужданий по зарослям; они пели песни с другими волками. У населения джунглей много дела весной, и Маугли слышал, как жители зарослей хрюкали или ворковали, повизгивали или свистели, в зависимости от их породы. Голоса диких созданий весной звучат иначе, чем в другие времена года, и это одна из причин, вследствие которых они называют весну временем новых песен.

Но, как сказал Маугли Багире, в эту весну он чувствовал тяжесть в желудке. С тех самых пор, как бамбуковые побеги сделались пятнисто-коричневыми, юноша поджидал утра, которое принесёт новые ароматы. Наконец такое утро наступило, и Мор, павлин, сияя бронзой, лазурью и золотом, возвестил о наступившей перемене по всему окутанному дымкой лесу. Маугли тоже хотел было закричать, но слова застряли у него между зубами и по всему его телу пробежало странное ощущение, начавшееся с концов пальцев ног и достигшее корней волос, ощущение полного уныния; ему даже пришлось осмотреть всё своё тело, чтобы удостовериться, не вонзился ли в него шип терновника. Мор кричал о новых благоуханиях, другие птицы подхватили эту весть, тотчас же

из-за приречных скал до Маугли донёсся хриплый крик Багиры, что-то среднее между клёкотом орла и ржанием лошади. Вверху, во вновь покрывшихся почками ветвях, раздался вой Бандар-лога и почувствовались обезьяньи прыжки, а Маугли стоял неподвижно; его грудь, наполненная дыханием для ответа Мору, мало-помалу опускалась под давлением сознания, что он несчастлив.

Маугли смотрел кругом, но видел только насмешливых обезьян, которые сновали по деревьям, и Мора. Распустив свой хвост в полном его великолепии, павлин танцевал под откосом горы.

- Благоухания изменились! - крикнул Мор. - Хорошей охоты, Маленький Брат. Что же ты не отвечаешь?

- Маленький Брат, хорошей охоты, - просвистели Чиль-коршун и его подруга, вместе спускаясь к земле. Они пронеслись под носом Маугли, так близко, что щепотка их мягких белых пёрышек отлетела в сторону.

Лёгкий весенний дождь (как говорят, «дождь слоновый») пронёсся через джунгли, и молодые влажные листья закивали с ветвей. Дождь этот умер в двойной радуге при лёгком раскате грома. Около минутыостоял весенний гул и замолк; но все жители джунглей сразу заговорили и запели. Все, кроме Маугли.

- Я ел хорошую пищу, - сказал он себе. - Я пил отличную воду. У меня не горит горло, и оно не стало узким, как в тот день, когда я укусил корень с синими пятнами, который по словам У, черепахи, был съедобен. А между тем у меня в желудке тяжело, и я так дурно говорил с Багирой, с другими, с племенем джунглей и, значит, с моим собственным народом! Кроме того, мне то жарко, то холодно; потом не жарко и не холодно, но я сердусь на что-то, чего не вижу. Ого! Буду бегать. Сегодня ночью я убегу далеко, убегу в северные болота и вернусь обратно. Слишком долго я охотился без всякого труда. И Четверо должны бежать со мной, они растолстели и разжирели.

Он стал звать Четверых, но его братья не отвечали. Они убежали далеко и не могли слышать его зова, тем более что пели весенние песни: песню луны и песню самбхура, и все остальные волки стаи подтягивали им; весной для Народа Джунглей мало разницы между днём и ночью. Из горла Маугли вырвался резкий лающий звук, но в ответ юноша услышал только насмешливое «мяу» дикой пятнистой древесной кошки, которая кружилась среди ветвей, отыскивая ранние птичьи гнёзда. Маугли задрожал от бешенства, наполовину вытащил свой нож из ножен, а через несколько секунд принял очень высокомерный вид; хотя никто не наблюдал за ним, сердитыми шагами пошёл с горы, вскинув подбородок и сжал брови. Но никто из его племени не задал ему ни одного вопроса; все были слишком заняты собой.

- Да, - сказал Маугли, чувствуя, что он говорит бессознательно, - когда приходят рыжие долы из Декана или Красный Цветок начинает плясать между бамбуками - джунгли с визгом прибегают к Маугли и придумывают для него великие слоновые названия. Теперь же, только потому что весенний глазок зарделся и Мор показывает свои обнажённые ноги в весенней пляске, джунгли обезумели, как Табаки... Во имя быка, который меня выкупил, - господин ли я джунглей или нет! Молчать! Что вы тут делаете?

Двою молодых волков из стаи бежали по тропе, отыскивая открытую поляну, на которой им было бы удобно податься (вспомните: Закон Джунглей запрещает бои на глазах стаи). Щетина на их шеях стояла, как проволока; они яростно лаяли, готовые к схватке. Маугли бросился вперёд, каждой рукой схватил по вытянутой шее, готовясь отбросить обоих животных назад, как он часто делал это во время игры или охоты. Однако до сих пор юноша никогда не останавливал весенних драк. Волки прыгнули, оттолкнули его и, не тряся лишних слов, схватили зубами друг друга и покатились вместе.

Маугли поднялся на ноги чуть ли не раньше, чем коснулся земли. Его зубы и его нож обнажились; в

этую минуту он был готов убить обоих зверей только за то, что они дрались, когда ему хотелось, чтобы они были спокойны, хотя Закон Джунглей позволяет волкам драться между собой. Маугли, сжав плечи, прыгнул, собираясь дрожащей рукой нанести двойной удар, когда минует первое ожесточение драки. Он ждал и вдруг почувствовал, что его тело ослабевает; нож опустился, и он спрятал его в ножны.

- Я, вероятно, проглотил яд, - сказал Маугли, - с тех пор как я разогнал Совет Красным Цветком, с тех пор как я убил Шер Хана, никто из них не мог стряхнуть меня с себя, а ведь эти только последние из стаи, плохие охотники. Моя сила покинула меня, и я умру. О Маугли, зачем ты не убил их обоих?

Драка продолжалась, пока один из волков не убежал. Маугли остался один; под его ногами была взрытая, окровавленная земля, и он стоял, то глядя на свой нож, то на свои ноги и руки, и чувствовал себя невыразимо несчастным. Это никогда не испытанное им ощущение покрывало его, как вода покрывает обрубок дерева.

В этот вечер Маугли поохотился рано, ел мало, чтобы сохранить способность бегать; он также ел в одиночестве, так как всё население джунглей или пело, или дралось. Стояла, как называют в Индии, совершенно белая ночь. Казалось, будто вся зелень сутра выросла не меньше, чем она обыкновенно поднимается за месяц. Из сломанной Маугли ветки закапал сок, хотя накануне она была покрыта жёлтыми листьями. Под его ногами вился глубокий, тёплый мох; края молодой травы не резали кожи, и все голоса джунглей гудели, как низкая струна арфы, задетая лунным лучом - лучом луны новых песен, которая изливала потоки своего света на камни, болота, бросала его между стволами и лианами; сеяла сквозь миллионы листьев. Маугли забыл о своём несчастье и, пускаясь в путь, громко запел от безотчётного восхищения. Он скорее летел, чем бежал или шёл, потому что избрал отлогий откос, ведущий к северным болотам через самую середину джунглей, где упругий грунт заглушал шум его шагов. При обманчивом лунном свете обычный человек постоянно спотыкался бы, но прокалённые джунглями мышцы Маугли несли его, как перо. Когда под ногой юноши переворачивался скрытый камень или ломался истлевший сук, он спасал себя от падения, не замедляя шагов, без малейшего усилия, даже не замечая этого. Когда ему надоедало идти по земле, он по-обезьяньи вскидывал руки, хватался за ближайшую лиану и, казалось, скорее взлетал, чем вскарабкивался до тонких ветвей. После этого Маугли двигался по древесной дороге; когда же и это ему надоедало, он нёсся вниз, описывая большую дугу. Он попадал в жаркие ложбины, окружённые влажными камнями, и с трудом дышал в них воздухом, напоённым благоуханиемочных цветов и лиан; встречал он также тёмные аллеи, пересечённые полосами лунного света с такой правильностью, как шахматные плиты в церковном притворе; чащи, где молодые, влажные поросли доходили до его груди и обнимали побегами его стан; горные вершины, увенчанные разбитыми глыбами, где ему приходилось перескакивать с камня на камень над норами испуганных маленьких лисиц. Иногда до Маугли издалека и слабо доносился «стук-стук» кабана, точившего свои клыки о пень; иногда он встречал большого серого одинокого зверя, соскребавшего кору с высокого дерева и разрывавшего её; изо рта животного капала пена; его глаза горели, как огонь. Порой, слыша звяканье задевавших за деревья рогов и шипящие звуки, Маугли поворачивал в сторону и быстро миновал пару ожесточённых оленей, которые в драке колебались из одной стороны в другую, испятнанные кровью, чёрной при лунном свете! Переходя через броды, он слышал, как крокодил Джакала ревел, точно бык; порой Маугли тревожил клубок Ядовитого Народа, но раньше, чем змеи успевали укусить его, он убегал по блестящему гравию и скрывался в глубине джунглей.

Так он бежал, иногда кричал, иногда пел и чувствовал себя самым счастливым существом в целых джунглях. Но вот запах цветов сказал ему, что болота севера близки, между тем они лежали гораздо дальше его самых отдалённых охотничьих областей.

Здесь опять-таки человек, воспитанный людьми, через три шага ушёл бы в топь выше головы, но у ног Маугли были глаза: они переносили его с кочки на кочку, с одного чмокающего пригорка на другой, не требуя помощи глаз в его голове. Он бежал до половины болота, распугивая диких уток, наконец, сел на одетое мхом бревно, прикрытое чёрной водой. Всё болото ожило; весной птицы спят очень лёгким сном, и их стаи всю ночь прилетали или улетали. Но никто не обращал внимания на Маугли, который сидел между высокими камышами и, напевая песни без слов, посматривал на подошвы своих жёстких коричневых ног, чтобы увидеть, не засело ли в них заноз. Казалось, юноша оставил своё несчастье в собственных джунглях, и он уже начал было громкую песню, как вдруг уныние вернулось к нему, и в десять раз хуже прежнего.

Теперь Маугли испугался.

- Это и здесь также? – почти вслух сказал он. – «Оно» пришло за мной, – и он посмотрел через плечо, чтобы увидеть, не стоит ли «оно» позади него. – Здесь нет никого.

Ночные шумы болота не прекращались, но ни птицы, ни звери, никто не заговорил с Маугли, и новое ощущение печали ещё усилилось в нём.

- Без сомнения, я проглотил яд, – сказал он испуганным голосом. – Конечно, я нечаянно проглотил яд и теперь теряю силу. Я боялся, а между тем боялся не я... Маугли испугался, когда два волка подрались. Конечно, Акела, или даже Фао, усмирил бы их, а Маугли боялся. Это ясный признак, что я съел яд... Но разве живущим в джунглях есть до этого дела? Они поют, воют, дерутся, бегают стаями под лунным светом, а я... Хан-маи! – умираю среди болот, от яда, который проглотил. – Маугли так жалел себя, что чуть не плакал. – Позже, – продолжал он, – меня найдут в чёрной воде. Нет, я вернусь в мои джунгли, умру на Скале Совета, и Багира, которую я люблю, когда она не кричит в долине, может быть, Багира будет охранять то, что от меня останется, чтобы Чиль не уничтожил меня, как он уничтожил Акелу.

Крупная тёплая слеза упала на колено юноши, и, как ни был Маугли несчастен, он почувствовал удовольствие от сознания собственного несчастья; не знаю, можете ли вы понять такой род странного извращённого счастья.

- Как Чиль, коршун, уничтожил Акелу, – повторил он, – в ту ночь, когда я спас стаю от рыжих собак.
- На некоторое время юноша успокоился, вспоминая последние слова Одинокого Волка, которых, вероятно, не забыли и вы. – Ну, Акела перед смертью наговорил много глупостей, потому что перед смертью наш желудок изменяется. Он сказал... Тем не менее я принадлежу джунглям.

При воспоминании о бое на речном берегу, Маугли с волнением выкрикнул последние слова, и дикая буйволица в соседних камышах поднялась на колени, фыркнула и произнесла:

- Человек!

- О, – сказал Майза, дикий буйвол.

Маугли слышал, как он повернулся в своей илистой луже.

- Это не человек. Это только бесшёрстый волк из сионийской стаи. В такие ночи он бегает взад и вперёд.

- Ох, – ответила буйволица, опуская голову, чтобы снова начать щипать траву. – Я думала, что он человек.

- Повторяю, нет. О Маугли, нет ли опасности? – проревел Майза.

- О Маугли, нет ли опасности? – насмешливо повторил юноша. – Майза только и думает об этом: нет ли опасности? Кто из вас заботится о Маугли, который расхаживает ночью по джунглям?

- Как он громко кричит, – заметила буйволица.
- Они всегда так кричат, – презрительно ответил Майза, – всегда кричат громко те, кто, вырвав траву с корнем, не знает, как её надо есть.
- За гораздо меньшую обиду, – проворчал про себя Маугли, – я однажды выгнал Майзу из его лужи и проскакал на нём через болото. – Он протянул руку, чтобы сорвать один из перистых тростников, но со вздохом опустил её. Майза продолжал спокойно пережёвывать свою жвачку; там, где лежала его корова, волновалась густая трава.
- Я не хочу умереть здесь, – сердито сказал Маугли. – Майза, у которого одна кровь с Джакалой и с кабаном, увидит меня. Уйдём из болота и посмотрим, что будет дальше. Никогда ещё не бегал я так весной: никогда не чувствовал, что мне в одно и то же время холодно и жарко. Поднимайся, Маугли!

Он не мог противиться искушению прокрасться через тростники и камыши к Майзе и уколоть его остриём ножа. Большой, весь мокрый, буйвол выскочил из ила с шумом разорвавшегося снаряда, а Маугли сел и захохотал.

- Теперь скажи, что безволосый волк пас тебя, Майза! – крикнул он.
- Волк! Ты? – фыркнул буйвол, топая ногами по грязи. – Все джунгли знают, что ты был пастухом ручного скота. Ты такое же человечье отродье, как кричащие в пыли, там, подле полей. Ты – из джунглей? Какой охотник вздумал бы ползти, как змея, в траве для грязной шутки... Для шутки-шакала, чтобы осрамить меня перед моей коровой? Выходи-ка на твёрдую землю! Тогда я... я... – Весь рот буйвola был в пене – у Майзы чуть ли не самый дурной характер во всех джунглях.

Маугли спокойно смотрел, как буйвол дышал и отдувался. Когда юноша понял, что его голос всётаки будет слышен, несмотря на плеск илистой воды, он спросил:

- Какая людская стая гнездится подле здешних болот, Майза? Для меня это новые джунгли.
- Так иди же на север! – проревел сердитый буйвол; Маугли довольно сильно уколол его. – Это была шутка безволосой коровы. Иди в деревню на окраину болота и расскажи им о твоей проделке.
- Человеческая стая не любит рассказов о джунглях, и я не думаю, Майза, чтобы лишняя царапина на твоей коже стоила такого раздражения! Тем не менее я пойду взглянуть на деревню. Да, пойду. Тише! Не каждую ночь господин джунглей приходит разговаривать с тобой.

И Маугли пошёл по качающейся трясине на окраину болота, отлично зная, что Майза не решится в этом месте кинуться на него. Скоро он побежал, со смехом вспоминая гнев буйволя.

- Моя сила не вполне исчезла, – сказал себе юноша. – Может быть, яд не проник до самых моих костей? Как низко стоит одна звезда – Прикрыл глаза рукой, он посмотрел на небо. – Клянусь быком, который меня купил, это Красный Цветок, Красный Цветок, подле которого я лежал раньше... ещё раньше, чем в первый раз пришёл в сионийскую стаю. Я видел его и теперь добегу до конца.

Болото окончилось широкой низменностью; на ней мерцал свет. Маугли давно не имел никакого дела с людьми, но в эту ночь блеск Красного Цветка привлекал его.

- Я только посмотрю, – сказал он, – посмотрю, как в старые дни, и увижу, насколько изменилась человеческая стая.

Забывая о том, что он уже не в своих собственных джунглях, где ему позволялось делать всё что угодно, Маугли беспечно шёл по травянистому лугу, наконец остановился подле хижины, в которой виднелся свет. Три-четыре собаки залаяли; он был на окраине деревни.

Маугли заворчал по-волчьи, и собаки умолкли.

- Хо, – сказал он, бесшумно садясь на землю. – Будь что будет! Маугли, какое тебе дело до людских логовищ? – и он потёр себе губы, вспоминая, как много лет тому назад его рот ушиб камень, брошенный в него другой людской стаей.

Дверь хижины отворилась; женщина выглянула в темноту. В комнате закричал ребёнок, и женщина через плечо крикнула ему:

- Спи. Это шакал разбудил собак. Скоро наступит утро.

Сидевший в траве Маугли задрожал, как в лихорадке. Он узнал этот голос; тем не менее, чтобы вполне удостовериться, тихо позвал, удивляясь, что человеческая речь сразу вернулась к нему:

- Мессуя! О Мессуя!

- Кто зовёт? – спросила женщина, и её голос дрогнул.

- Разве ты забыла? – спросил Маугли, чувствуя, что у него пересохло во рту.

- Если это «ты», как назвать тебя? Скажи. – Она прикрыла дверь и прижала руку к своей груди.

- Нату! Ох, Нату! – ответил Маугли, потому что, как вы помните, так звала его Мессуя, когда он впервые пришёл в селение.

- Войди, мой сын! – позвала она Маугли.

Он вошёл в круг света и взглянул в лицо Мессуя, женщины, которая была с ним добра и жизнь которой он спас. Она стала гораздо старше; её волосы поседели, но ни её глаза, ни голос не изменились. По обычаям женщин, она думала, что увидит Маугли таким же, каким он был в день разлуки с ней, и её глаза с изумлением окинули его грудь и голову, касавшуюся верхнего косяка двери.

- Сын мой, – прошептала она и бросилась к его ногам. – Но нет, ты больше не мой сын, ты бог лесов. Ай!

Он стоял в красном свете масляной лампы сильный, рослый, красивый, с чёрными волосами, рассыпавшимися по его плечам, с ножом, висевшим на шее, с головой, украшенной венком из белого жасмина, и его действительно легко было принять за дикое божество лесной легенды. Дремавший в люльке ребёнок проснулся и громко закричал от ужаса. Мессуя повернулась, чтобы успокоить мальчика; Маугли же стоял неподвижно, оглядывая кувшины для воды, котлы для похлёбки, мешок, мельницу для зёрен и другие принадлежности человеческого жилища, которые были ему памятны.

- Что хочешь ты: поесть или напиться? – прошептала Мессуя. – Здесь всё твоё. Мы обязаны тебе жизнью. Но скажи: тот ли ты, кого я звала Нату, или действительно ты божество?

- Я – Нату, – ответил Маугли, – и забрёл далеко от своих мест. Увидев огонь, я пришёл сюда. Но я не знал, что ты здесь...

- Мы побывали в Кханиваре, – робко сказала Мессуя, – и англичане хотели защитить нас от тех людей, которые собирались нас сжечь. Помнишь?

- Я не забыл.

- Когда английский закон сказал своё слово, мы вернулись в поселение злых людей, но не могли найти его.

- Это я также помню, – заметил Маугли, ноздри которого подёргивались.

-
- Мой муж поступил полевым работником и, как очень сильный человек, скоро приобрёл небольшую землю здесь. Мы не так богаты, как прежде, но нам не нужно много.
  - Где он, человек, который копался в грязи, когда им овладел страх?
  - Он умер год тому назад.
  - А этот? – Маугли показал на ребёнка.

- Это мой сын, родившийся во время предпоследних дождей. Если ты божество, дай ему милость джунглей, чтобы он был в безопасности посреди... посреди твоего племени, как мы в ту ночь.

Она подняла ребёнка, который, забыв свой страх, потянулся ручками к висевшему на шее Маугли ножу, чтобы поиграть им; юноша осторожно отвёл в сторону маленькие пальчики.

- Если ты Нату, унесённый тигром, – задыхаясь продолжала Мессуа, – это твой младший брат. Благослови же его.

- О! Что я знаю о вещи, которая называется благословением? Я не лесной бог, я не его брат и... О матушка, матушка, у меня так тяжело на сердце! – Опуская на землю ребёнка, она задрожала.

- Немудрено, – ответила Мессуа, хлопочая над котелками, – вот что значит бегать ночью по болотам. Без сомнения, лихорадка забралась в твоё тело до самого мозга костей. – Маугли слегка улыбнулся, не веря, будто что-нибудь в джунглях могло ему повредить. – Я разведу огонь, а ты напейся горячего молока. И брось этот жасминовый венок; от него в нашем маленьком доме делается трудно дышать.

Маугли сел и, закрыв лицо руками, забормотал что-то. Разнородные, новые для него, ощущения охватили его, точно он действительно был отравлен. Голова у него кружилась, и он чувствовал себя нехорошо. Большими глотками юноша выпил молоко. Время от времени Мессуа поглаживала его по плечу, не зная, правда ли он её сын, Нату, или перед ней какое-то чудесное создание из джунглей, во всяком случае довольная, что он, по крайней мере, существование из плоти и крови.

- Сынок, – сказала она наконец, и её глаза загорелись гордостью, – говорил ли тебе кто-нибудь, что ты красивее всех людей?

- А? – протянул Маугли. Он, конечно, никогда не слыхивал ничего подобного. Мессуа засмеялась мягким, счастливым смехом. Выражение его лица послужило для неё ответом.

- Значит, я первая? Это хорошо, хотя мать редко говорит своему сыну такие хорошие вещи. Ты очень красив. Я никогда не видела другого такого человека.

Маугли повернул голову, стараясь посмотреть на себя через своё жёсткое плечо, и Мессуа опять расхохоталась и смеялась так долго, что юноша, не зная причины её смеха, вторил ей; ребёнок, тоже смеясь, бегал от одного к другому.

- Нет, ты не должен смеяться над своим братом, – сказала Мессуа, прижимая ребёнка к своей груди. – Если ты сделаешься наполовину так же хорош, мы женим тебя на младшей дочери короля, и ты будешь ездить на огромных слонах.

Маугли не понимал и одного слова из трёх во всей этой речи. Кроме того, горячее молоко, выпитое после долгих блужданий, начало действовать на него; он свернулся и через минуту крепко заснул. Мессуа отбросила волосы с его глаз, прикрыла его и почувствовала себя счастливой. По обычаям Народа Джунглей Маугли проспал весь конец этой ночи и весь следующий день; инстинкт, который никогда не засыпает совсем, подсказал ему, что бояться нечего. Наконец юноша проснулся и вскочил так порывисто, что вся хижина содрогнулась. Дело в том, что покрывавшее лицо одеяло заставило его грезить ловушками. Теперь он стоял, положив руку на нож, с глазами,

отяжелевшими от сна, и готовый вступить в бой.

Смеясь, Мессуа поставила перед ним ужин. Она подала только несколько грубых лепёшек, испечённых на дымном костре, немного рису и кусок кислого, давно сохранявшегося тамаранда; но этого было достаточно, чтобы поддержать его силы до вечерней охоты. Запах росы в болотах пробудил в нём голод и беспокойство. Маугли захотелось продолжать свои весенние блуждания, но маленький мальчик требовал, чтобы он взял его на руки, а Мессуа просила позволения причесать его длинные синевато-чёрные волосы. И причёсывая их, она пела, пела глупые детские песенки, то называя Маугли своим сыном, то прося его подарить часть своей лесной силы ребёнку. Дверь хижины была закрыта, но Маугли услышал хорошо знакомый звук, а рот Мессуа открылся от ужаса, когда большая серая лапа продвинулась в отверстие под дверью, и Серый Брат слегка завыл глухим голосом, полным раскаяния, тревоги и страха.

- Уйди и жди! Вы не пришли, когда я звал, - не оборачиваясь сказал ему Маугли на языке джунглей, и большая серая лапа исчезла.

- Не приводи, не приводи сюда твоих... твоих слуг, - попросила Мессуа, - я... мы всегда жили в мире с джунглями.

- Да и теперь мир, - поднимаясь, сказал Маугли. - Вспомни ту ночь, когда вы шли в Кханивару. Этот народ окружал тебя со всех сторон. Однако я вижу, что Народ Джунглей не теряет памяти даже весной. Матушка, я ухожу.

Мессуа покорно отошла от двери. «Он действительно лесной бог», - подумала она; но когда рука юноши легла на дверь, чувство матери заставило её обнять шею Маугли, отпустить его и снова обнять.

- Вернись! - прошептала она. - Сын ли ты мой, или нет, вернись, потому что я люблю тебя. Посмотри, он тоже печалится.

Мальчик плакал, видя, что человек с блестящим ножом уходит.

- Вернись, - повторила Мессуа. - Ни ночью, ни днём эта дверь не будет заперта для тебя.

Горло Маугли подёргивалось, точно на верёвках, и, казалось, он с трудом извлёк из него голос, когда ответил:

- Конечно, я вернусь.

- А теперь, - сказал Маугли, становясь на пороге подле ласково прижимавшейся к нему головы волка, - у меня есть на тебя жалоба, Серый Брат. Почему не пришли вы, Четверо, когда я долго звал вас? Это было так давно...

- Так давно? Это было всего в прошедшую ночь... Я... мы пели в джунглях новые песни, так как теперь время новых песен. Ты помнишь?

- Да, да.

- А когда мы спели все песни, - убедительно продолжал Серый Брат, - я побежал по твоему следу. Убежал ото всех, и как же я торопился! Но, о Маленький Брат, зачем ты ел, пил и спал среди людской стаи?

- Если бы вы пришли, когда я звал, этого не случилось бы, - сказал Маугли, ускоряя шаги.

- А что же будет теперь? - спросил Серый Брат.

Маугли хотел ответить, но в эту минуту девушка в белой одежде сошла с тропинки, которая бежала от окраины деревни. Серый Брат мгновенно скрылся, а Маугли бесшумно отступил в поле

высокого хлеба. Он почти мог дотронуться до неё рукой, но тёплые зелёные стебли сомкнулись перед ним, и он исчез, как призрак. Девушка вскрикнула, думая, что видела духа, потом глубоко вздохнула. Маугли раздвинул стебли руками и следил за ней взглядом, пока она не скрылась из виду.

- А теперь не знаю, - в свою очередь, вздыхая, сказал он, - зачем вы не пришли, когда я вас звал?
- Мы бежим за тобой, мы бежим за тобой, - пробормотал Серый Брат и лизнул ноги Маугли, - мы бегаем за тобой всегда, исключая время новых песен.
- А вы пошли бы за мной в людскую стаю? - прошептал Маугли.
- Разве я бросил тебя в ту ночь, когда ты был изгнан из нашей прежней стаи? Кто разбудил тебя, когда ты лежал среди полей?
- Да, но потом?
- Разве я не пришёл за тобой сегодня?
- Да, но придёшь ли ты снова, ещё снова и, может быть, ещё раз, Серый Брат?

Серый Брат молчал; наконец проворчал про себя:

- Чёрная была права.
- А что она сказала?
- В конце концов, человек возвращается к человеку. И наша мать, Ракша, говорила...
- То же сказал и Акела в ночь рыжих собак, - пробормотал Маугли.
- То же говорит и Каа, который умнее всех нас.
- А что скажешь ты, Серый Брат?
- Люди выгнали тебя грубыми словами. Их камни изрезали твои губы. Они поручили Бульдео убить тебя. Они хотели бросить тебя в Красный Цветок. Ведь ты сам, а не я говорил, что они злы и бессмысленны. Ты, а не я двинул джунгли на них. Ты, а не я сочинил про них песню, которая была злее нашей песни про рыжих собак.
- Я спрашиваю, что ты скажешь?

Разговаривая, они бежали. Серый Брат не отвечал, потом между двумя прыжками произнёс:

- Человеческий детёныш, господин джунглей, сын Ракши, мой брат по логовищу! Правда, на некоторое время, весной, я забыл о тебе, но твой след - мой след, твоё логовище - моё логовище, твоя добыча - моя добыча и твой бой на смерть будет моим смертельным боем. Я говорю за всех Четверых. Но что скажешь ты джунглям?
- Хорошо, что ты подумал об этом. Между взглядом и нападением не следует ждать. Беги и созвони всех к Скале Совета; я приду позже и скажу им, что у меня в мыслях. Но может быть, они не придут? Может быть, они забудут обо мне; ведь теперь время новых песен.
- А ты-то сам никогда ничего не забывал? - резко бросил ему через плечо Серый Брат, пускаясь волчьим галопом. Маугли задумчиво бежал позади него.

Во всякое другое время года странные вести собирали бы все джунгли; звери сбежались бы к Скале Совета, подняв щетины, но теперь они были очень заняты; одни охотились, другие дрались, третьи пели. Серый Брат бегал повсюду и кричал:

- Господин джунглей возвращается к людям! Идите к Скале Совета!

Но счастливое, оживлённое население отвечало только:

- Он вернётся к нам во время летнего зноя. Дожди загонят его в логовище! Беги сюда, пой с нами, Серый Брат.

- Но господин джунглей возвращается к людям, - повторял Серый Брат.

- Иии - йоая! Разве из-за этого время новых песен сделается менее сладким? - слышался ответ.

Поэтому, когда Маугли с тяжёлым сердцем поднялся между памятными скалами в то место, куда его некогда привели для осмотра, он встретил там только Четверых, полуслепого от старости Балу и тяжёлого, холодного Каа, который обвивал кольцами пустое место Акелы.

- Итак, человечек, твой путь оканчивается здесь? - сказал Каа, когда Маугли, закрыв лицо руками, бросился на землю. - Скажи, что с тобой! Мы с тобой одной крови, человек и змея.

- Зачем я не умер посреди рыжих собак? - простонал юноша - Я потерял свою силу, и это не от яда. День и ночь я слышу двойные шаги. Поверну ли я голову, мне кажется, кто-то только что спрятался от меня. Я иду смотреть за деревьями - никого. Я зову, никто не отвечает, а между тем мне кажется, что кто-то меня слушал, но не закричал мне. Я ложусь и не отдыхаю. Я бегаю и не могу остановиться. Я купаюсь, но не ощущаю прохлады. Охота мне противна. Мне противно убивать, но не хочется драться без того, чтобы убить. В моём теле Красный Цветок; мои кости превратились в воду и... я не знаю, что я знаю.

- Зачем говорить, - медленно сказал Балу, поворачивая голову в сторону Маугли. - Подле реки Акела сказал, что Маугли прогонит Маугли обратно к людской стае. Я тоже говорил это. Но кто теперь слушает Балу? Багира... где теперь Багира? Она знает. Таков Закон.

- Когда мы встретились в Холодных Логовищах, человечек, я уже знал это, - произнёс Каа, слегка поворачивая свои могучие кольца. - В конце концов, человек идёт к человеку, хотя бы джунгли не выгоняли его.

Четыре Брата переглянулись, потом посмотрели на Маугли; происходящее удивляло их, но они были готовы повиноваться.

- Значит, джунгли меня не изгоняют? - с трудом пробормотал Маугли.

Серый Брат и остальные трое яростно заворчали и начали:

- Пока мы живы, никто не посмеет...

Но Балу остановил их.

- Я учил тебя Закону Джунглей. Мне и следует говорить, - сказал он, - и хотя я не различаю перед собою скал, я вижу далёкое будущее. Лягушечка, иди по собственной тропе; устрой себе логовище со стаей твоей собственной крови, с твоим племенем; но когда тебе понадобится зуб, глаз, лапа или быстрое слово, переносящееся ночью из места в место, вспомни, господин джунглей, что джунгли твои; только позови нас!

- Средние джунгли тоже твои, - заметил Каа, - конечно, я не могу ручаться за Маленький Народ.

- О мои братья, - произнёс Маугли и, зарыдав, всплеснул руками. - Я сам не знаю, что я знаю! Мне не хочется уходить, но ноги увлекают меня. Могу ли я жить без таких ночей?

- Полно, поднимись, Маленький Брат, - продолжал Балу. - Нечего стыдиться. Когда мёд съеден, мы бросаем опустошённый улей.

- Скинув кожу, - сказал Каа, - мы не можем снова заползти в неё. Таков Закон.

- Слушай же, самое дорогое для меня существо, - произнёс Балу. - Тебя нельзя удержать ни словом, ни силой. Подними голову. Кто посмеет задавать вопросы господину джунглей? Я видел, как ты играл белыми камешками вон там, когда ты был крошечной лягушкой; Багира, которая заплатила за тебя только что убитым молодым быком, тоже видела тебя. Из тех, кто был при этом осмотре, остались только мы двое; потому что Ракша, твоя мать по логовищу, умерла, как умер и твой названный отец; все волки старой стаи давно умерли; ты знаешь, куда ушёл Шер Хан; Акела пал среди долов, и, если бы не твоя сила и мудрость, там погибла бы и вторая сионийская стая. Остались только старые кости. Теперь уже не человеческий детёныш просит позволения у своей стаи, а господин джунглей становится на новый путь. Кто может допрашивать человека?

- Но Багира и бык, которым я был куплен, - сказал Маугли, - мне не хотелось бы...

Он не договорил; внизу послышалось раскатистое ворчание, треск ветвей, и через мгновение Багира, лёгкая, сильная и ужасная, как всегда, остановилась перед юношой.

- Потому-то, - сказала пантера, вытягивая свою влажную правую лапу, - я не пришла раньше. Я долго охотилась, но теперь в кустарниках он лежит мёртвый, - лежит бык по второму году, бык, который даёт тебе свободу, Маленький Брат. Теперь все долги уплачены. Что же касается остального, моя речь - речь Балу. - Пантера полизала ногу Маугли. - Помни же, Багира тебя любила! - вскрикнула она и сделала прыжок со скалы. От подножия холма снова донёсся её громкий длительный крик: - Хорошей охоты на новом пути, господин джунглей! Помни же, Багира тебя любила.

- Ты слышал, - сказал Балу, - теперь всё кончено; ступай, но прежде подойди ко мне. О мудрая лягушечка, подойди ко мне.

- Трудно сбрасывать с себя кожу, - заметил Каа, когда Маугли, прижимаясь головой к слепому медведю, долго рыдал, обнимая его шею, а Балу слабо старался лизнуть его ноги.

- Звёзды побледнели, - сказал Серый Брат, нюхая предрассветный ветер. - Где мы сегодня устроим логовище? Ведь теперь мы побежим по новому следу.

И это последний из рассказов о Маугли.